

«СВОЕ» И «ЧУЖОЕ» В БИКУЛЬТУРНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДРАМАТУРГИИ Г. БАШКУЕВА

Баранова О.Ю.

ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет», Чита, Россия (672039, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30), e-mail: olesja2774@rambler.ru

Проведён анализ художественного пространства пьес современного бурятского русскоязычного драматурга Геннадия Башкуева с точки зрения бикультурного подхода. Творчество Г.Т. Башкуева можно охарактеризовать как «пограничное», т.е. возникшее и бытующее в контактной зоне в результате взаимовлияния русской и бурятской культуры. Художественное воплощение русско-бурятского взаимодействия – неисчерпаемый объект анализа для современной гуманитарной науки, сегодня все чаще обращающей внимание на пограничные культурные феномены. Именно они, как нам кажется, способствуют вхождению национального текста в мировой художественный процесс. В результате анализа творчества русскоязычных писателей-бурят можно прийти к выводу, что они оказываются в транскультурном, фронтальном положении или, другими словами, в положении пограничья. Башкуев не чувствует себя в полной мере принадлежащим ни материнской (бурятской), ни доминирующей (русской) культуре, на языке которой он создаёт свои художественные тексты. Но при всём при этом Башкуев остаётся представителем той нации, которой принадлежит по рождению, и всегда с особым пристрастием и особой болью или радостью переживает все, что с ней происходит. В творчестве же он воспринимается представителем границы, балансирующим между культурами в поиске оптимального варианта сосуществования разных культурных кодов в своём сознании.

Ключевые слова: самоидентификация, культурная трансгрессия, кризис идентичности, современная драматургия, образ, мотив, пьеса, персонаж, конфликт, этнос, транскulturация, метафора.

"OWN" AND "ALIEN" IN BICULTURAL ART SPACE G. BASHKUEV'S DRAMA

Baranova O.Y.

Zabaikalsky State University, Chita (672039, Chita, ul. Alexandrovo-factory, 30), e-mail: olesja2774@rambler.ru

The analysis of the artistic space plays of the modern Buryat Russian playwright Gennady Bashkuev with bicultural approach. Creativity, So Bashkuev can be described as "borderline", ie, arising out of and occurring in the contact zone in the influence of the Russian and Buryat culture. Artistic expression of Russian-Buryat interaction is an inexhaustible object of analysis for modern Humanities are increasingly turning attention to the edge of cultural phenomena. They, we believe, contribute to the national occurrence of text in the world art process. As a result of analyzing the works of Russian writers-drill, you can come to the conclusion that they are in a transcultural, Frontera position or, in other words, the position of the Borderlands. Bashkuev doesn't feel fully belong to the parent (Buryat) or dominant (Russian) culture, in a language which he creates his art texts. But for all this, Bashkuev remains representative of the nation, which belongs by birth, and always with great passion and special pain or joy he experiences everything that happens to her. In the work he is perceived by the representative of the border, balancing between cultures in the search for the optimal coexistence of different cultural codes in your mind.

Keywords: identity, cultural transgression, identity crisis, contemporary drama, image, motif, play, character, conflict, ethnic group, "transculturation", a metaphor.

Одним из актуальных вопросов в историко-литературных исследованиях национальных литератур является проблема взаимовлияния русской и бурятской культуры в творчестве сибирских писателей.

Статус русско-бурятской литературы по отношению к русской как «пограничный» ранее не определялся. В статье выявляются особенности русско-бурятского литературного пограничья на материале пьес Геннадия Башкуева, современного бурятского драматурга. Творчество русскоязычных авторов-бурят в силу «пограничья» представляется интересным

для науки о литературе, способствует вхождению в мировой художественный процесс и раскрытию общемировой закономерности.

Цель исследования: анализ русскоязычной бурятской драматургии Г. Башкуева и определение ее статуса по отношению к литературе основного потока («мейнстрима») как «пограничной».

Материал и методы исследования: тексты пьес Г. Башкуева, литературно-критические источники.

Методы исследования: сравнительно-исторический, типологический.

Содержание

Творчество Г.Т. Башкуева, русскоязычного бурятского драматурга, можно охарактеризовать как «пограничное», т.е. возникшее и бытующее в контактной зоне в результате взаимовлияния русской и бурятской культуры. Хотя если бы не этническая принадлежность Башкуева к бурятской нации, его творчество можно было бы и не рассматривать как «пограничное», т.к. для Башкуева не было усилием или необходимостью творить на русском языке, который для него только условно является неродным. Пограничным же его творчество можно считать потому, что его герои оказываются одновременно членами и «своей», и «чужой» общностей, попадают в особый топос, в котором совмещаются несколько культурных реальностей и воспроизводится одно поликультурное пространство. Художественное воплощение русско-бурятского взаимодействия – неисчерпаемый объект анализа для современной гуманитарной науки, сегодня все чаще обращающей внимание на пограничные культурные феномены. Именно они, как нам кажется, способствуют вхождению национального текста в мировой художественный процесс.

Главная для авторов и героев «пограничья» проблема идентификации, т.е. определения себя по отношению к какой-то одной культуре, является ключевой в драматургии Г. Башкуева. Формирование идентичности представляет собой длительный процесс, который предполагает в качестве необходимой и существенной части этап кризиса идентичности. Причиной его является, как правило, сложность выбора, самоопределения в условиях культурной трансгрессии. Порой этот выбор бывает и невозможным, поэтому пограничная личность вынуждена находится в ситуации «между», она существует в различных «своих» и «чужих» культурных контекстах, проходит (иногда неоднократно) через процесс «раз-перевоплощения» и в результате создает определенный набор непредсказуемых и неожиданных образов своего «я» в мире, в культуре, в современном обществе.

В условиях кризиса проживают все башкуевские герои. Это и герои пьесы «Чукча»: Слава Чумаков, Боря Борман и сам так называемый Чукча, и пьесы «Собака моей

любовницы» - супруги Ажеевы, которые живут под одной крышей уже абсолютно чужими. Это Вера Савельева и Саша Болотов (столкновение культур задается уже фамилиями героев) из «Ракушки», которые не хотят быть одинокими, но которым очень трудно стать одним целым и обрести свой общий домик, свою ракушку. Герои пьесы «Новая жена» - буряты. Об этом говорят и этнографические приметы текста, и имена героев. Галдан строит юрту, что является символом нового этапа в жизни, обретения «своего» пространства. Юрта представляет собой особый сакрализованный мир монголоязычных народов, она создана по образу и подобию этносферы, это такой тип жилища, находясь в котором, человек все равно связан с миром, космосом. Но само строительство порождается кризисным моментом в жизни героя. В его доме главенствующее положение занимает ленивая жена. И он решает построить юрту, послушав рассказ соседа о жизни предков, но не для укрепления семейных связей, а для уединения. Поэтому образ юрты, с одной стороны, можно рассматривать как разрушение традиционного представления о доме, семье, но с другой - как возвращение к себе самому, через уединение человек обретает путь домой.

Действие пьесы «Сад камней» или «Чио-чио-Саня» происходит в сибирском посёлке. Но герои пьесы Саня Петухов и Кеша Худяков – узнаваемы повсеместно. Потому что у пьянства и разгильдяйства, а это главные пороки героев пьесы, нет этнической принадлежности, нет национальности. Эта пьеса, несмотря на региональные особенности, об общем зле, которое изнутри разъедает не только окраины, не только Сибирь, но и всю страну.

Башкуев - драматург, прозаик и публицист, пишет на русском языке. В условиях культурного пограничья язык приобретает особый смысл, который проявляется, с одной стороны, в причислении себя к определённому этносу, а с другой - зачастую вызывает чувство отчуждения, побуждает к отказу как от своей этнической группы, так и от доминирующей. В творчестве Г. Башкуева этой проблемы нет. Его пьесы представлены как социоэтнический локус, включённый в общерусскую культурную традицию. А этнографический субстрат, который всё же присутствует в его произведениях, на уровне подтекста раскрывает глубинные национальные и региональные особенности стиля мышления и образа жизни героев. В целом же творческое пространство Г. Башкуева можно определить не только как «пограничное», но и многосоставное, многонациональное, где сосуществуют как минимум две культурные традиции, не сливающиеся в единую, несмотря на их близость. Художественные варианты русско-бурятского взаимодействия есть пример литературы «пограничья». Встреча разнородных и разнонаправленных культурных импульсов, породив особый тип литературы, требует принципиально иного прочтения, согласующегося с кросс- и транскультурными устремлениями современности.

Герои Башкуева оторваны от своих корней, от традиций предков. Мотив потери дома, присутствующий во всех пьесах драматурга, часто усиливается метафорой молчания, безголосья, которая встречается и у русскоязычных бурятских поэтов (например, у Б. Дугарова, Н. Нимбуева, С. Тумурова). Эту метафору в «литературе через дефис» можно рассматривать как символ невыраженной, умолкнувшей, подавленной идентичности. Так, когда герой Г. Башкуева попадает домой, он заболевает, теряет голос как способность самовыражения. И в лирических, и драматургических текстах русскоязычных писателей-бурят метафора молчания связана с наказанием героев за отпадение от родного языка, пространства. Формальное возвращение домой не всегда является возвращением к «родному», к корням, поэтому с образом дома в пьесах Башкуева часто происходит метаморфоза: он превращается в анти-дом. В пьесе «Новая жена» - перед нами «деревенский двор. Видны крыльцо брусowego дома, часть улицы, край огорода, баньки и сарая... Мычит корова. Раннее утро» [4]. Звучит гимн России. И всё как будто как всегда. Вполне понятная картина для любого жителя страны - России. Но за картиной безмятежного деревенского утра видится автору неприглядная, убогая, серая деревенская жизнь: «на улице Чингиз с похмелья торгуется с торговкой разведённым спиртом-катанкой Катей. Вместо денег он суёт ей телевизионную антенну» [4]. Дед Сокто ругается и сплёвывает: «Начинается... Утро в деревне!», «Вот буряты дожили, называется! На конях скакать не умеют, юрту в глаза не видели, язык забыли, чингизы спились, мужики своих жён боятся...» [4]. Боль драматурга за состояние родного народа и родной земли слышится и в репликах односельчан Галдана и Сокто: «Где это видано – юрту строить в наше-то время!.. Таких (мужиков) теперь не найти... Наши-то и спят с бутылкой в обнимку!» [4]. И как причастность бурят к общероссийскому пространству и вместе с тем их локализованность звучат следующие слова деда Сокто, обращённые к Галдану: «Вот буряты - тёмные люди! "Костинг" по-русски – конкурс. Ну, от слова "кости". У них так принято: кто костлявее – тот и красивее... Так во всём мире принято! 90-60-90, слышал?» [4].

Та же неприглядная картина предстаёт перед читателем и зрителем в пьесе «Сад камней»: «Сельский двор, обычный с первого взгляда. Летняя кухня, стайка, банька, край огорода с цветущей картошкой... видны избы с забитыми ставнями... Что-то случилось в годах налаженном быте, и вот уже заваливаются изгородь и жиденьякая поленница, зияют дыры в стайке и летнике, небрежно разбросан по двору хозяйский инструмент, валяются чурки. А сам хозяин, наполовину седоголовый Кеша, свернулся калачиком на крыльце, храпит в одном сапоге в обнимку с большим фибровым чемоданом. Утро... Тем временем во дворе... появляется Саня в рваной телогрейке на голое тело...» [3]. И опять ситуация знакомая любому российскому человеку. Но для автора-бурята – это вдвойне страшно

констатировать. У бурят всегда считалось неприличным быть бедным или бездомным. Потеря Дома – это результат непривязанности к земле предков, незнания традиций, непочитания духов родной земли. Но и не на земле предков (ведь это условное обозначение того, что связывает человека с его корнями) Дом так просто не найти.

Практически все писатели русско-бурятского пограничья существуют в пространстве «между»: традициями, языками, типами мышления. Такую гибридную модель транскulturации и, как ее следствие, - гибридность сознания как самого писателя, так и его героев необходимо учитывать при анализе «пограничных» художественных произведений. Писатели-буряты, пишущие на русском языке, творят в иной, непривычной для писателей «чистого» сознания кросс-культурной зоне. Ее можно назвать зоной «пограничной эстетики в сфере двуязычия». Это может быть не очень комфортная территория, но пребывание в точке пересечения (как внешне, так и внутренне) нескольких, генетически не связанных друг с другом культур, даёт счастливую возможность слышать разные голоса, выступать от имени то одной, то другой культуры, что, собственно, и отличает пьесы Башкуева. Когда их читаешь, всегда возникает вопрос, буряты или русские его герои. Сознание Башкуева-драматурга «пограничное» – «мерцающее», «метисное», «жонглирующее» разными культурными кодами.

История жизни героев Башкуева – это история всех бурят и история жизни всей страны. В пьесе «Чукча» Г. Башкуев создал страшную картину того, что может случиться с человеком иной этнической принадлежности на чужбине (страна одна – но уже не дом). В пьесе не говорится напрямую о национальности персонажа Чукчи – но мы понимаем, что герой Башкуева – бурят. Сама идея показать природного человека в городских столичных дебрях, далеко от родной земли говорит о том, что драматург понимает всю болезненность положения своего соплеменника, что теряются корни, связи с родной землёй. Чукча – это собирательный образ: «человек азиатской наружности, средних лет» [1]. И по поведению, и по воспитанию, и по проживанию, и по наружности Башкуев дифференцирует своих героев. И в то же время в конце пьесы нам даёт понять как зыбка, непрочно и никчемна эта дифференциация. Слава Чумаков, московский мент с националистическими наклонностями, в конце пьесы «превращается» в Чукчу, пусть даже и внешне, стирает границы, которые сам когда-то воздвиг.

Традиционные образы для бурят – это степь, жилище (как правило, юрта), трава как символ цветущей степи и вечной жизни, дерево как символ человеческой родословной, корней. Описания степи в его традиционном понимании в драматических произведениях Г. Башкуева нет. Его герои проживают либо в городах, в квартирах, либо в убогих, забытых богом деревнях. Степь для представителя кочевого народа должна иметь особое значение.

Но чем дольше существует этот мир, тем чаще открытое пространство степи ни о чём не говорит героям Башкуева, они не слышат голоса ушедших поколений. Герой «Чукчи» вынужден пребывать в Москве, герои «Ракушки» обитают в однокомнатной квартире в многоэтажном доме, а герои пьесы «Убить время» вообще «бездомны» - действие происходит в здании сельского аэропорта. В пьесе «Воздушный поцелуй» описывается заброшенная чабанская заимка. Это место когда-то было очень важным и нужным для бурята-чабана. «Но пришли иные времена, и теперь на заброшенной чабанской заимке обитают неудачники, бобыли, отторгнутые селом... Дух запустения и одиночества... Зима – холодно, нетоплено. На столе следы вчерашней попойки – пустые бутылки, консервные банки, окурки, грязная посуда» [6]. И только в пьесе «Новая жена» мы видим или даже ощущаем присутствие свежего воздуха, образа степи и сакрального для всех монголоязычных народов жилища – юрты: «Гыма. Нет, юрта пустовать не будет... Потому что к нам пришла любовь!», «Зима. Падает снег. Из юрты идёт дым. На заднике вплоть до горизонта – много новых юрт. Раздаётся плач новорожденного ребёнка...» [4]. В этой картине – мечта автора-бурята о будущем своей Родины, потому что юрта – это не просто жилище, дом. Такое лёгкое и легко снимаемое помещение, как юрта, не создаёт у человека ощущение закрытости, защищённости. Она – образ космоса, связана с миром предков. Герои Башкуева, проживающие в квартирах, очень несчастливы, выпадение героя из патриархального гнезда явилось его приобщением к большой жизни города, но и здесь он чувствует себя дискомфортно. Синтез двух образов – городской квартиры и юрты позволяет драматургу выразить двойственность своего мировоззрения, возникшего как следствие пребывания в пограничной культурной зоне.

В результате анализа творчества русскоязычных писателей-бурят можно прийти к выводу, что они оказываются в транскультурном, фронтальном положении или, другими словами, в положении пограничья. Башкуев не чувствует себя в полной мере принадлежащим ни материнской (бурятской), ни доминирующей (русской) культуре, на языке которой он создаёт свои художественные тексты. Но при всём при этом Башкуев остаётся представителем той нации, которой принадлежит по рождению, и всегда с особым пристрастием и особой болью или радостью переживает все, что с ней происходит. В творчестве же он воспринимается представителем границы, балансирующим между культурами в поиске оптимального варианта сосуществования разных культурных кодов в своём сознании.

Проблема самоидентификации является актуальной в современном мире вообще, а не только в пограничной культуре. Но решение ее в условиях культурной трансгрессии является проблематичным. Источником кризиса идентичности часто оказывается сама

культурная раздвоенность, преодолеть которую практически невозможно. Культурная раздвоенность связана с потерей родной территории, дома (в его символическом значении) и ещё «невписанностью» в новые условия жизни. Персонаж пограничной литературы ищет себя в этом мире, и чем шире круг родных образов, с которыми он не может себя идентифицировать, тем драматичнее ситуация.

Как вариант выхода из сложной ситуации «между», как символ возвращения утраченных корней можно рассматривать образ дерева в пьесе «Сад камней» или «Чио-чио-Саня». Башкуев, как истинный патриот своей земли, даёт надежду своим заблудившимся героям: «Саня (твёрдо и трезво). Я никуда не поеду. Ещё картошку окучивать. Баба Танька. А чего мы там за морями не видали? У меня капуста не хуже, однако. Кеша (вздыхнул). Зима скоро... Дел навалом... Саня. Деревья сажать надо. Сестра велела» [3]. Башкуев находит путь возвращения героя домой. Пространство его пьес не локализованное. Это мультикультурное пространство, где талантливый бурятский драматург сознаёт себя, как и его герои, двуединым.

Результат исследования

Таким образом, герои пьес Геннадия Башкуева, как и сам драматург, находятся в транскультурном, «пограничном» положении. Проблема самоидентификации актуальна во всём мире, а её решение – до конца невозможно. Пограничные авторы, такие как Г. Башкуев, фокусируют внимание на неразрешенной проблеме, перманентно находятся в состоянии выбора: с одной стороны, они выражают точку зрения своего этноса, а с другой - находясь в состоянии культурной раздвоенности, вынуждены постоянно переводить культурные, понятийные, языковые коды и дискурсы, что неизбежным образом ведет за собой изменения этнической картины мира, порождающей кризис личности, связанный с самоидентификацией.

Выводы

Проведён анализ пьес современного бурятского драматурга Геннадия Башкуева. В результате анализа можно прийти к выводу, что герои пьес, равно как и автор, оказываются в транскультурном, фронтальном положении или, другими словами, в положении пограничья. Башкуев не чувствует себя в полной мере принадлежащим ни материнской (бурятской), ни доминирующей (русской) культуре, на языке которой он создаёт свои художественные тексты.

Список литературы

1. Башкуев Г.Т. Чукча // Башкуев Г. Пьесы разных лет. – Улан-Удэ : Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2007. – С. 3-25.
2. Башкуев Г.Т. Пьесы разных лет. – Улан-Удэ, 2007. – 208 с.
3. Башкуев Г. Чио-Чио-Саня // Башкуев Г. Пьесы разных лет. – Улан-Удэ : Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2007. – С. 26-49.
4. Башкуев Г. Новая жена // Башкуев Г. Пьесы разных лет. – Улан-Удэ : Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2007. – С. 50-72.
5. Башкуев Г. Ракушка // Башкуев Г. Пьесы разных лет. – Улан-Удэ : Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2007. – С. 73-97.
6. Башкуев Г. Воздушный поцелуй // Башкуев Г. Пьесы разных лет. – Улан-Удэ : Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2007. – С. 98-125.

Рецензенты:

Имихелова С.С., д.фил.н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет», г. Улан-Удэ;

Затеева Т.В., д.фил.н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет», г. Улан-Удэ.